

Айгерим Тажи

* * *

. . . и где-то будни превратились в чудо
стрекозье замирающее лето
растит кувшинки в сохнувшем пруду
хоть мне не надо я туда иду

за аркой переплётшихся деревьев
забытый дом холодный нездоровый
случайно сохранил знакомый цвет
смотрю: качнулась штора? всё же нет

и солнце блики щедрые бросает
вычерчивая сломленность пространства
углём и мелом на пустом столе
наброски перелистывает свет

кувшин с отбитым клювом, сердцевины
цветочные наколоты на стебли
лежит всё тот же плюшевый медведь
или не он на пыльном пианино
мне с этой стороны не разглядеть

* * *

В доме окно
На окне горшок
В горшке веточка
Вяжет пинетки сонная женщина
Внутри неё рыба без воздуха мечется
А ей хорошо

Улыбается будто себе в живот
Крикам на улице
Разбитой лампочке
Чёрным вестям из нечёрного ящика
Женщина ждёт непременно мальчика
Девочка тоже сойдёт

* * *

Прислушаюсь к придуманному миру:

он впитывает музыку извне,
и внутренней стране
не уберечь границ. Мотив покоя
умножит радость, мне легко
вдвойне.

Но что-то не даёт забыться сном.
Безлунной ночью или ярким днём
замечу странное. Откуда звук?
Так дребезжат засушенные жилы
в задетом инструменте. Дровесину
упрямо точит невидимка-жук.

* * *

В коробке из-под немецкого шоколада
мать прячет бирки, зубы, первые волосы
сына, живущего где-то в пределах города,
звонящего в день рожденья уставшим голосом.
Когда приходит этот, уже мужчина,
с руками в венах, с букетом цветов дешёвых,
она наливает чашку до половины,
чтобы он поскорей ушёл.

* * *

Фиолетовое окно. Жёлтое.
Скоростной через страны пряные
разрезает полотно с подсолнухами
на солнечную сторону и закатную.
В цветовой пятне глаз выхватывает
мельницы, летящие в противоположную.
В нитях ветра звуки запутались встречные.
Лавандовое окно. Скачут крепкие лошади.
Хороводы полных людей видятся там, где
дома-пряники, неестественно красивые дети
и дамы, похожие на вызревающую квашню,
качая боками, плывут по траве к реке.
Дорогу спросить бы, но вряд ли потом пойму
ответ на неведомом языке.

* * *

Наверное бог похож на умирающего человека
У него в глазах то чего никому не видно
над головой остатки сияющей ауры
на губах соль выступила на лбу испарина
я смотрю на него и мне отчего-то стыдно

Дайте мне воды думает он не произнося ни слова
Справа мать и прамамень сидят отец с пращуром — слева
в изножье карлики великаны у изголовья

пришли и молчат

(вспоминают как он выходил из чрева)

он перед ними младенец голый
которому не всё возможно но всё прилично

Другие плачут громко молят его о прощении
А у него в ушах звучит собственный голос
Будущего нет и не будет
Будущего нет и не будет
И прошлое слишком призрачно

* * *

Верблюжьей походкой
путник пылит, приближается.
Глаза разного цвета,
руки вырезаны из дерева.
За пазухой гадюка мёртвая,
жалящая верёвка.
Конь пал на дороге.
Хрупкий, как ветка,
Остов. Волны песочной шкуры.
Имя твоё? Выговори хоть слово.
Складки лица. Солнце меняет угол.
Бумажная кожа просвечивает,
на лбу проявляются буквы.

* * *

На ладан не дыши — дышать здесь нечем.
Зря говорят, что сельский воздух лечит.
Саднящий в носоглотке дым костра
меняет очертания. Вглядишься же.
Буреют в куче скошенные астры.
Садовник выкорчёвывает липу,
которая ни разу не цвела.

* * *

неспящий в тибете похож на таких же как здесь
луны циферблат растекается на небосклоне
спускается с гор поседевший на треть незнакомец
в руках несёт старые книги в них новая весть
и мимо проходит не глядя как будто ослеп
ногами ступает по лужам роняет страницы
на ветке засохшей кричит тонконогая птица
он входит в туман и за ним закрывается лес

* * *

у бога
полный карман людей
у нищего
полный карман счастья
поделись со мной человек
у меня есть море взамен
большое тёплое море
рыба
лодка
и снасти

* * *

Когда умирает тело, сыты орлы и рыбы,
— не смог промолчать Лобсанг за общим обедом,
разравнивая на тарелке остатки риса.
— Чью душу хранишь ты, карп, обглоданный до скелета?

Засейте рис на полях, где лежали люди.
пройдите по той земле, когда рис созреет.
И пёструю очередь к раскрашенной карусели
займите, весёлые и босые, чтоб вас не съели.

Казалось, тебя это не коснётся.
Можно вечно расти,
А мир никуда не денется.
Ты тянулся к солнцу,
Не замечая седины у родителей,
Расплывшиеся черты,
Усохшие плечи.

Такие же молодые,
Они при тебе расправляли спину,
Вприпрыжку передвигались,
Спешили на танцы.
Думали, не поверишь,
Что, сменив направление,
Смотрят вниз, а не вверх,
Что они состарились.

И ты прятал от них превращение.
Отпуская себя-ребёнка,
Оставался ждать у подъезда,
Чтобы не наследить.
Как ты вырос!
(Наша надежда)
Скоро сорок.
(Не говори нам сегодня)

У тебя всё ещё впереди.

* * *

Фиалка пьёт из поддона вчерашнее море, процеженное землёй.
Солнце щупает комнату, воду в стакане нагревает упрямый луч.
У него нить в руках, которая вот-вот лопнет. Звон струны вдалеке.
Обернись ко мне, человек. Дай увидеть себя. Лицо
Вечереет. Прозрачный свет отступает в холодный сад.
Муравьиных тропинок след. На подушке чужая тень. Законный листопад.

* * *

В прохладном сказочном лесу
На сочинённой мной поляне
Встречаемся в последний раз.
И взгляд, и голос не обманут –
Вокруг мираж, прозрачны мы.
Деревья обратились в слух.
Спиной закрыла день гора.
Но из земли бьёт свет. Пора.

Шумит скворцами вечный лес.
Усталый длится понедельник.
Печёт-печёт небесный мельник
Дыханьем полный горький хлеб.
Пересекаются ли вновь
Те, кто остались, кто ушли?
В груди шипящие угли.
Сползает маска. Без лица,
Читая строки колыбельной,
Качаю на руках отца.

* * *

от воскресения до воскресенья
ставим крестики календарные
ждем спасения

оно приходит в виде воздуха горного
в газовой камере города

серебристые муравьи
тащат к вершине камни
трутся стальными боками

чешется
след на шее от тесного ворота

под ватными облаками

* * *

И ты там был и пол как будто плыл
Шло одеяло с голыми ногами
Внутри него гнездились существо

Привет, проснулось? Завтрак на столе
Глаза желтков чуть скошенные к вилке
Застыли навсегда. Да будет так.

Смотри какой обманчивый процесс
Чай холодел остыл потом воскрес

От угасанья в шаге
Пророчески горел стеклянный шар
Свет разлагался в чистые оттенки

У луковицы вызревшей на банке
Под шелухой ничто. А сверху лес.

И там исчезло ты, и я исчез

...Оно принялось уселось на коленки
Уткнулось в шею горячо дыша

* * *

Подслушав в парке разговор,
Пришла к зачахшей старой сливе
И в крону спрятала лицо.
Вначале с жаром говорила,
Потом, стесняясь, угрожала:
«Если не дашь плодов — срублю!»
Так сливами рвануло небо,
Как будто дёрнула за бусы.
Три дня фруктового безумства,
И пированье надоело.
Плоды, как мусор, на траве
Растоптаны в пюре.

* * *

новый забор
крашенный в синее с белым
прячет но слышу
резкие окрики с моря
мягкий ответ
заглушается волнами
катер

перечеркнул разговор

отворилась калитка

старая женщина
вяжет узлы на циновке
мальчик за ней наблюдая
сидит на качели
в тазике толстый младенец водою плескает
по ватерлинии стены травой прорастают

как погремушки
(какой же холодный здесь ветер)
рыбы сухие
шевелиются на верёвке

* * *

у моря большие лёгкие
и огромный рот
сегодня на ужин съест не того
а завтра этого пожует

на берегу почерневший моряк
раскладывает сокровища у ног
рыба к рыбе
с морским ежом
играет чужой щенок

* * *

Косматый кактус на окне
Цепляется за тюль. Болючий
Укол в ладонь. Вдоль по стене.
Не наступить на лунный луч,
Не раздавить ни домового,
И никого ещё живого.

В новорождённой темноте
Расталкивая сны и тени,
Сесть на диване, замереть,
Как будто выключили время,
Как будто нас не ждёт финал,
А мир прекрасен, только мал.

* * *

В ступе женщина просо толкла на краю аула.
Чтоб труха улетала прочь и глаза не ела,
она лихо свистела, из степи вызывая ветер.
Все ругались – опять вызывает ветер –

«ураган приманила», «играет с бурей».

Ветер дул на зерно.
В недрах ступы рождалась туча,
поднималась над домом,
въедалась в людей, животных.

Разлетались могучие беркуты.
Лаяли лисы.
Костерок в самоваре гудел паровозом.

Рой слепой шелухи. Колотушка устало билась
в клетке чаши. Зерно тяжелело.
«Всё, хватит, много!» –
выпрямлялась над ступой она.
Как охотничий пёс, у порога
ветер падал без сил.

* * *

В заросшем зеркале пятнами глубина,
открывает что-то — прикрыть бы веки.
Рыбы вертятся на границе с воздухом, вдох, ещё.
Месяц плавает в небе животом вверх,
и кругами расходится вдаль вода.
Люди в белом говорят — не запоминать,
не смотреть им в глаза, рассеянно покивать,
словно и не заметив: пустая стоит кровать,
колыбель из ковра появилась, спелёнутый человек.
И как будто бы ясно кто, но не верится. Скорбный ряд.
Холодна ли сейчас земля? Кто останется на ночлег?

* * *

В переходах каменных домов
На пороге тёмного подъезда
Женщина стоит спиной к нам
Держит дверь тяжёлую ногой
Повернулась к лику фонаря
И смеясь кричит А ну идём
Я тебя увидела не прячься
Мама проиграла Выходи

За машиной в стороне от глаз
На бордюре девочка сидит
Смотрит в точку на глухой стене
Выдохнула пар потом не дышит
Напряжённо ждёт глядит из шарфа
Окна загораются и гаснут
Там смеются тут смеются тоже
Мимо человек с собакой мимо

Мы проходим завершая круг

* * *

Было вчера. Пёс у соседей лаял.
Она на полу искала
мокрых следов улики.
Пыль серебром волшебным
множилась и сияла.
С тряпкой, военным флагом,
она нападала,
будто мир спасала.

Дёрнула дверцу шкафа,
бросила на пол вещи.
Брюки, костюм со свадьбы,
майки, носки, рубашки -
как он любил – клетчатые.

Села на гору ткани
и провалилась в память.
Видит, как у подножья
дикая речка вьётся.
Цедят мальков ладони.
Он, потеряв панаму,
щурит глаза на солнце.

* * *

В седых полях тропинка.
Тонкий мальчик.
За ним сутулый дядька
И собака.
Торопятся. На разговор жалеют
Тепла. Роняют буквы изо рта.

А зрение их превращает в точки.
Следы съедает снег. Что мне за дело?
Пытаюсь повернуться к ним спиной.
До бесконечности, до чистоты забвенья
Сжиматься может человеческое тело.

До метки от карандаша случайной.

Смахнув чешуйки грифеля с бумаги,
Забуть с чего волнение началось.
Отметить про себя: окно помыть бы.
Да холодно. Пусть до весны, до солнца.
Читать пока светло. Пока живётся.

Белым-бело и сверху намело.

* * *

Самолёт стрекозы над рекой.
Чернеет в закате профиль
уснувшего рыбака.
Лист на свету — растущий скелет.
Тень пересаживается к вёслам.
Неба ладонь. Скатанные в шарики облака.
Правь, бессловесный товарищ,
в тихое море. Там никого.
Рыбы — серебряные штрихи на воде,
тонкие кости в еде.

* * *

завтра плюс двадцать гроза возможно землетрясение
рыбки выбросились на кафель ещё с утра
их смели веником смыли в трубу течением
в аквариум запустили премудрого пескаря
а он через стекло так смотрит
что становится очень жутко
душа выходит из пяток
и подступает к желудку
люди бегут из карточных зданий
выносят детей бутерброды спички
в банке пескарь шевелит усам
и смотрит на всех по-бычьему

* * *

медленно обнажаясь
берег уводит к солнцу
в черный и тихий город
копоть на храме божьем
в воздухе стонут люди
плач их — щепотка соли
в воздухе тонут рыбы
падают к лапам кошки
город сгорит а море
жизнью его наполнит
день а на дне ракушка
рак и забытый якорь

* * *

Где у рыбы хвост,
А где голова?
Откуда гнить,
Если всё отрезано.

Но гниёт
Рыба,
У которой огромный распухший живот.
В нём Иона живёт.
Сети вьёт, шьёт паруса,
Надвинув шапочку на глаза.

* * *

На зов поворачивается сперва
Большая львиная голова,
Солнце над вершиной горба,
Смотрит внутрь тебя.

Медленно промывая речной песок,
Ищет самородок, но в решете
Пустая порода.
Камни гремят в воде.

И после былого огня остыл
Лесной частокол. Ядовита пыль.
Но дышит ребёнок, узнавший страх,
Хоть кажется неживым.